

АННА
БЕРСЕНЕВА

КНИГИ АННЫ БЕРСЕНЕВОЙ – ИСТОРИИ СИЛЬНЫХ ЧУВСТВ:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины
Ревнивая печаль

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

Странная Лиза
Портрет второй жены
Стильная жизнь
Двое в Барселоне
Гадание при свечах
Все страсти мегаполиса
Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька

Вангелия

Женщины да Винчи

Вокзал Виктория

Героиня второго плана

Лучшие годы Риты

Созвездие Стрельца

Австрийские фрукты

АННА
БЕРСЕНЕВА
ВЛАДИМИР
СОТНИКОВ

АНГЕЛ-
ХРАНИТЕЛЬ

роман-сценарий

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Оформление серии *П. Петрова*

Берсенева, Анна.

Б51 Ангел-хранитель : роман-сценарий / Анна Берсенева, Владимир Сотников. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Супербестселлер Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-04-004151-0

Три крестьянских сына, три барышни-дворянки — и старинная подмосковная усадьба, в которой на протяжении всего XX века разворачиваются события их жизни. Усадьба Ангелово — не фон для действия, а «центр силы» двух больших семей, с ней связаны для Кондратьевых и Ангеловых любовь, утраты, измены, самоотверженность, творчество, счастье. И все, что происходит с главными героями, а потом с их детьми и внуками, оваяно мистикой старинного дома, Оборотневой пустоши, родника в ангеловском парке. Может быть, действительно хранит эту местность Ангел, исчезнувший в Гражданскую войну вместе с частью семейной коллекции, но незримо присутствующий в судьбах героев?

Основой для романа стал сценарий многосерийного художественного фильма.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т., 2017

© Сотников В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-004151-0

ЧАСТЬ I

Глава 1

— *Ли-ида*, я не хочу лук! Он горький!

Надя смотрела на маленькую разрезанную луковицу, лежащую перед ней на фарфоровой тарелке, и изо всех сил старалась не заплакать. Она не хотела выглядеть капризницей, но как удержишься, когда тебе только семь лет, а все время приходится делать то, чего делать совсем не хочется? Лида и сама бы, может, так не смогла в детские свои годы.

— Надо съесть, Надюша, — вздохнула она. — Чтобы не заболеть испанкой. В луке фитонциды.

— Я скоро в Пиноккио здесь превращусь с этим луком! — сердито сказала Вера.

Она, как и Надя, сидела за столом в пальто. Дрова этим летом заготовить не удалось, и теперь, осенью, топить ангеловский дом было почти нечем. Одна Лида выходила к ужину по-прежнему в суконном платье, только в шаль куталась. Вера же считала, что никакой порядок вещей не стоит того, чтобы рисковать ради него здоровьем.

Вера жевала свою луковицу с отвращением, но не морщась. И слезы у нее из глаз не текли. Не только характер в семнадцать лет кремень, но даже физический состав. Никогда Лида не мечтала быть похожей на среднюю свою сестру, но теперь, пожалуй, не отказалась бы обладать такой

внутренней силой, как у Веры. Да и кто в тяжелые времена откажется от сил душевных?

— А я — в фею с голубыми волосами! — воскликнула Надя и засмеялась.

Вера бросила на нее сердитый взгляд. Наверное, ее раздражала Наденькина способность к мгновенному переходу от печали к радости. Лиде же эта способность их младшей сестры казалась даром божьим.

Тут Вера зорким глазом заметила, что сама Лида к своей луковице не притрагивается.

— Нас заставляешь, а сама не ешь. Почему? — с подозрением поинтересовалась она.

— Так, — смущенно ответила Лида. — Я после съем.

Причину ей называть не хотелось. Даже непонятно отчего — вряд ли эта причина была тайной для Веры, да и для Наденьки, пожалуй.

— Черт знает что! — сердито сказала Вера. — Витамины из лука! Кофе из желудей! А зимой? Снег прикажешь есть?

— Не чертыхайся, — напомнила Лида.

Но Веру было не остановить.

— Не понимаю, чего мы ждем! — воскликнула она. — Вертковых сожгли. Павлицевых забрали в ЧК. Что папа собирается делать?

— Что и всегда мы делали, — пожала плечами Лида.

— При чем здесь всегда? Всегда Гражданской войны не было!

— Детей надо учить. Это никогда не изменится.

Вера фыркнула, но возражать не стала. Не оттого, что согласилась со старшей сестрой, а лишь для экономии времени, конечно. Что может сделать Лида? Как папа решит, так и будет.

— А почему папа обедать не идет? — спросила Надя.

— Он занят, — ответила Лида.

Произнесла она это машинально. Отец не делился с дочерьми ни планами своими, ни даже повседневными намерениями. В прежние времена причиной было то, что Лида называла одиночеством его, не одиночеством, а вот именно одиночеством. Она возникла после того, как мама умерла родами Наденьки, да так и не прошла. Прежде отцовская замкнутость вызывала у Лиды уважение, а теперь стала пугать. Что у него на уме? Неведомо.

Глава 2

Тем временем Андрей Кириллович Ангелов, инженер, профессор Московского университета и владелец усадьбы Ангелово, занят был тем, что разбирал иконостас в сельской церкви. Занятие его выглядело странно и даже криминально; так Ангелов назвал бы его, если бы разум его искал сейчас каких-либо названий для происходящего.

Но разум профессора Ангелова был занят лишь соображениями практического толка — отчасти в силу природного устройства, отчасти оттого, что он не находил время, в которое угодил на старости своих лет, подходящим для отвлеченных размышлений. Их следовало доверить будущему — так же как и знаменитый ангеловский иконостас.

Иконостас этот был уже почти весь разобран. Андрей Кириллович укладывал иконы в дубовые ящики, специально для них предназначенные. В этих ящиках они на протяжении целого века доставлялись в усадьбу, как и все другие предметы любовно собираемой семейной коллекции. Добротные, отлично пригодные для драгоценных предметов, да и сами собою представляющие ценность, ящики хранились в парковом флигеле. Каждый раз, когда Ангеловская коллекция — не вся, разумеется, а частями — экспонировалась в Санкт-Петербурге или в Европе, эти

ящички извлекались на свет божий и использовались для транспортировки.

Андрей Кириллович работал быстро и с тем особенным умением, которому его еще в детстве обучил покойный Илья Кондратьев. Илья был деревенским златокузнецом, но в руках его спорилась любая работа. Маленький Андрюша удивлялся в детстве даже не этому, а тому, что Илья не замечает того, как красиво и ловко он делает любое дело.

— А чего там замечать? — удивлялся Андрюшину удивлению Тимка, сын Ильи. — Как по-другому-то?

Сам Тимка был с ленцой, и у него как раз работа получалась «по-другому», за что отец не раз драл его за вихры. Но Тимка был закадычный друг детства, а значит, критике с Андрюшиной стороны не мог быть подвержен.

Ангел-хранитель был последней иконой, которую осталось уложить в ящик. Андрей Кириллович остановился перед нею.

Сверкали в тусклом свете свечи яхонты, которыми была украшена риза. Андрей Кириллович помнил, как впервые увидел эту россыпь яхонтовых огоньков — на луговой траве...

Тимка подбежал к Андрюше, когда тот уже промывал кисти и собирался складывать мольберт.

— Брось ты свои картинки! — воскликнул он. — Гляди, чего у меня.

На широкой Тимкиной ладони лежали разноцветные камушки. Они были круглые и гладкие, и в глубине каждого играл огонек.

— Красивые... — сказал Андрюша. — Откуда они у тебя?

— Тятка дал.

Тимка ответил без заминки, но по тому, как шевельнулся кончик его веснушчатого носа, Андрюша понял, что его друг врет.

— Посмотреть дал? — уточнил он.

— Насовсем, — снова соврал Тимка.

— Они же для ризы, — покачал головой Андрюша.

О том, что Илья Кондратьев делает ризу для иконы Ангела-хранителя, которую недавно привезли в усадьбу, Андрюша знал от мамы.

— Ну-у дак... — протянул Тимка. И тут же нашелся: — А я с тяткой вместе ризу и делаю!

— И он тебе камни для ризы поиграть дал? — наконец не выдержал Андрюша; он не терпел вранья. — Врешь ты все!

А Тимка уже, кажется, и сам поверил в то, что выдумал на ходу. Так ведь всегда и бывает: сначала приврешь, а потом как признаться? Приходится защищать свое вранье.

— Я — вру?! — возмутился Тимка. — Да я тебе...

Он угрожающе двинулся на друга, задев плечом мольберт. Холст, на котором Андрюша так старательно выписывал пустошь, закат и зарницы в багряном небе, шлепнулся на траву, и, конечно, все краски размазались.

— Ах ты!.. — в ярости воскликнул Андрюша, бросаясь на Тимку.

Мальчишки схватили друг друга за грудки. Камушки, из-за которых весь сыр-бор разгорелся, посыпались в траву.

Хоть они и были ровесниками, обоим только-только по десять лет исполнилось, но Тимка был шире в плечах, да и драться ему приходилось чаще. Он уже прижимал Андрюшу к земле — и вдруг тот увидел, что Тимка замер с открытым ртом, вглядываясь во что-то перед собой. Хватка его ослабела, Андрюша вывернулся, вскочил на ноги... И увидел, что заставило замереть Тимку.

Через пустошь, прямо из-под багряного заката в сполохах зарниц бежал волк. Он двигался неторопливо, но приближался почему-то очень быстро, и было уже видно, какой он большой, просто огромный, гораздо больше са-

мого крупного волка, какого Андрюша видел в энциклопедии Брема... Через мгновение Андрюше показалось, что он видит волчьи глаза. Их взгляд, светлый, совсем не волчий, впился в него, морда зверя стала приобретать человечьи черты...

Наверное, Тимка видел то же самое.

— А-а-а!.. Оборотень! — завопил он.

— Тимка, беги! — крикнул Андрюша.

Может, ему только показалось, что крикнул: от ужаса у него онемели губы. Но Тимка в самом деле бросился бежать. А вот сам Андрюша бежать уже не мог: он оцепенел от звериного взгляда, голова у него закружилась, закатные облака превратились в кровавые капли и стали падать на него, будто с клыков волка-оборотня... Вскрикнув что-то нечленораздельное, он упал на траву.

Андрюша не видел, как Тимка оборачивается на его крик и бросается обратно, на ходу зачем-то вырывая из земли здоровенный куст репейника.

— Пшел! Пшел отсюдава!

Этого Тимкиного крика Андрюша тоже не слышал. Правда, Тимка и сам словно оглох. Вернее, звук-то он слышал, но будто бы внутри своей головы. Тихий такой звук... Тимка вдруг понял, про что мамка говорила «ангельское пение». Но прислушиваться было некогда. Зажмурившись, он стеганул оборотня репейником...

Когда Тимка открыл глаза, волка рядом не было. На траве лежал без сознания Андрюша.

— Анд-дрюша! Ты чего?! — стуча зубами от ужаса, пробормотал он. — Вставай...

Увидев, что Андрюша не приходит в себя, Тимка бросился в деревню.

Когда он вбежал в избу, отец еще работал — тюкал тонким молоточком по серебряной ризе.

— Тятя! — трясась, воскликнул Тимка. — Там... там...

Отец поглядел исподлобья: не любил, когда от работы отвлекали. Да это было раз и навсегда Тимке заказано.

— Ну? — спросил он. — Чего стряслось?

— Оборотень... Андрюху... загрыз... — дрожа, выговорил Тимка.

— Ты что плетешь? — нахмурился отец.

— Вот те крест! Оборотень на нас кинулся... Андрюха упал...

По тому, как трясся и крестился обычно бесшабашный сын, отец, видно, понял, что дело нешуточное.

— Где? — быстро спросил он, уже идя к дверям.

— На пустоши, возле баньки!

— Беги к барыне, — на ходу бросил отец. — Скажи, беда!

Илья и принес Андрюшу в усадьбу — целого, без единой царапины, но так и не очнувшегося. И водой его отливали, и тормошили — ничего не помогало.

Когда Андрюша пришел в себя, солнце светило сквозь светлые шторы. Окно было открыто, веял ветерок.

Он чувствовал такую слабость, словно до изнеможения бегал по ангеловскому парку.

— Это и неудивительно, — сказала мама, подавая ему лекарство в серебряной рюмочке. — Ведь ты целые сутки был без сознания! После того как тебе померещился оборотень, у тебя случилась нервная горячка.

— Он не померещился. — Андрюша помотал головой. — Мама, я тоже думал, что оборотней не бывает. Но я сам его видел! Почему он приходил?

— Милый мальчик мой, ты вырастешь, станешь ученым, — ласково сказала мама. — Ты ведь хочешь стать ученым? — Андрюша кивнул. — Вот тогда тебе будут понятны все явления природы.

Андрюша хотел возразить, что оборотень точно был, он его своими глазами видел, — но тут со двора донесся Тимкин голос:

— Андрюха! Глянь в окошко!

— Куда ты? Тебе нельзя! — воскликнула мама.

Но Андрюша уже вскочил с кровати.

Под окном стояли Тимка и его отец, Илья Кондратьев держал что-то, покрытое куском домотканого льна.

— Выдь сюда! — позвал Тимка.

Не слушая маминых возражений, Андрюша выбежал из комнаты.

— Гляди, Андрейка! — широко улыбаясь, сказал Илья, когда тот выскочил на крыльцо.

Он снял ткань, и на Андрюшу глянул лик Ангела. Сверкала на солнце серебряная риза, сверкали огоньки в разноцветных яхонтах...

— Какой же ты великий мастер, Илья... — с восхищением сказала мама, тоже вышедшая на крыльцо.

— Мы, Кондратьевы, все такие! — довольно хмыкнул Тимка.

— А ты при чем? — засмеялась мама. — У отца твоего золотые руки. А ты сорванец. Смотри, лениться станешь — всех Кондратьевых опозоришь.

Тимка насупился: ему явно неприятны были назидания барыни.

— Камушки те самые? — пока мама крестилась на икону и рассматривала ризу, тихо спросил Андрюша. — Мы ведь рассыпали вчера...

— Отец собрал потом, — так же тихо ответил Тимка. — За вихры меня отодрал.

— Вот, мальчики. — Мама обернулась к ним, улыбаясь. — Теперь Ангел нас всех хранит! И никакие оборотни нам не страшны. Нам вообще нечего бояться. Пока мы вместе, все будет хорошо!

Андрюша смотрел на икону, и ему казалось, что он видит ясную и печальную улыбку Ангела-хранителя и даже слышит его голос. Только не говорит он, а будто поет.

Профессор Ангелов молча смотрел в глаза Ангела-хранителя на иконе. Они посверкивали печально, но ярко, как яхонты на ризе.

— Что вы делаете, Андрей Кириллович? — услышал он и обернулся.

В дверях стоял Федор Кондратьев.

— Здравствуй, Федор, — кивнул Ангелов. — Не знаешь, что делают в церкви?

— В церкви обычно иконостас разбирают? — усмехнулся тот.

— А тебе нужны эти иконы? — пожал плечами Ангелов. — Насколько я успел понять, у большевиков другие ценности.

— Иконы нам не нужны, — согласился Федор. — А ценности нужны.

— Ризы?

— В том числе. Куда вы все это уносите?

Скрывать что-либо от Федора Кондратьева не имело смысла. И не потому, что он возглавлял теперь уездную власть, а потому что одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: этот человек рожден для того, чтобы распоряжаться не только своей судьбой, но и многими чужими. И всегда это было понятно, кстати, даже когда Федор был мальчишкой. Впрочем, ему и теперь чуть больше двадцати.

— Сейчас — в усадьбу, — ответил Ангелов.

— А потом?

— Здесь всё пропадет, — сказал Андрей Кириллович. — Ты и сам это понимаешь.

— А в усадьбе, думаете, сохранится? — вздохнул Федор.

Ангелов испытующе посмотрел ему в глаза и сказал:

— Это от тебя зависит.

Федор промолчал. Постоял, глядя на Ангела-хранителя, потом так же молча вышел из церкви. Проводив его взглядом, Ангелов взял икону и уложил ее в дубовый ящик.

Глава 3

У родителей Федор бывал теперь редко, но не жалел об этом. Входя в родной дом — в месяц раз, может, — он чувствовал одну лишь тягость.

И сегодня тоже. Даже в тусклом свете лучины было заметно, какой унылый разор царит теперь в избе. А ведь Кондратьевы никогда не бедствовали, и дом, поставленный дедом Ильей, был в деревне из лучших.

— Здорово, Федь, — сказал Степан.

Он один улыбнулся брату и, отложив упряжь, которую чинил, встал ему навстречу.

Восьмилетний Пашка не сразу и заметил, что в избу кто-то вошел. Подняв голову от фигурки, которую вырезал из дерева, он посмотрел на старшего брата таким нездешним взглядом, какой Федор видел на картине итальянского художника Боттичелли в альбоме ангеловских барышень.

Мать месила тесто с такой яростью, словно не тесто это было, а горькое горе.

Но горе ее было не в квашне — сидело за столом, уронив голову на столешницу. Отец, как обычно, был пьян. Бутыль самогона, стоящая перед ним, была пуста. Услышав, что Степан здоровается с братом, отец поднял голову, посмотрел на старшего своего сына мутным взглядом и, ни слова не произнеся, придвинул к себе бутылку.

— Прорва ненасытная! — в сердцах бросила мать.

— Молчи, дура, — заплетающимся языком пробормотал отец.

— В могилу лягу — замолчу! Недолго тебе ждать, ирод! Ой, горе наше горькое! — запричитала мать. — Что с тобой случилось, Тимофей?!

— Ишь, завыла! Хватит, сказал! Самогону подай!

— Нету! И так картошку всю на проклятое зелье извел! Нету! — Она завыла. — Господи, был мужик как мужик... А революция настала — будто с цепи сорвался!

— Всю жизнь на цепи просидел! — Тимофей скрежетнул зубами.

— Брось, батя, — миролюбиво произнес Степан. — Пойдем, спать ляжешь.

Он попробовал поднять отца с лавки, но Тимофей оттолкнул его.

— Не трожь, Степка! Сам себе теперь хозяин! Поняли? Сам!

— Хватит тебе. — Федор снял фуражку, повесил на гвоздь. — Такое время настало! Перед народом все пути открылись. А ты спиваешься.

— А ты мне не указывай! — гаркнул Тимофей. — Думаешь, начальником заделался, так можно теперь отца учить?

Он погрозил Федору кулаком и попытался встать, но это ему не удалось.

— Господь с ним, Федя, — опасно проговорила мать. — Ничего не поделаешь. Не надо на отца злиться. В кои веки заехал проведать, сынок, и злишься. Грех это. Сядь, поешь горячего.

Не глядя на отца, Федор молча сел за стол. Мать подала ему щи и хлеб.

— Морду воротить? — не унимался Тимофей. — Брезгуешь с отцом поговорить? Ангеловы во всем виноваты!